

Неужели решение проблем человеческого существования и социального порядка можно найти только в мифах о Судном Дне?

Размытый огонек свечи слабо светился в темноте. Но Тао Лину казалось, что Вэнь Циньин перед ним был отделен стеной из матового стекла – нет, слоем морозного лунного света.

Пока Вэнь Циньин с закрытыми глазами загадывал желание, Тао Лин пристально на него смотрел. Тот вопрос только что неизвестным образом всплыл у Тао Лина в голове, и он никак не относился ко всему остальному, что его окружало. Но в этот самый момент Тао Лин внезапно ощутил, что его как будто перенесло во внешний мир.

Если бы наступил Судный День, то он был бы готов умереть – открыто сбежать из хаотичного мира, беспросветной жизни, бессмысленного существования и такого же бессмысленного порядка.

Но сегодня Судный день не наступил. И в этом мире существовал Вэнь Циньин.

Когда Вэнь Циньин открыл глаза он мельком увидел дрожавшие ресницы Тао Лина. Тот, похоже, был напуган, хотя внешне выглядел совершенно спокойным – его выдала единственная крошечная деталь, которая ускользнула через мгновение.

Минуту назад он погрузился в свои мысли? О чем он думал?

Вэнь Циньин положил обе руки на стол, правая рука слегка сжала левую.

Встретившись с Вэнь Циньином взглядом, Тао Лин наконец-то очнулся от огромного беспорядка мыслей, царивших у него в голове. Он чувствовал, что был близок к безумию, – вместо того, чтобы думать о красоте, он задумался о Судном дне.

Но то же самое время на его лице держалась привычная улыбка. Он указал на свечу, жестом приглашая Вэнь Циньина ее задуть. Вэнь Циньин поднял один палец, два и на счет «три» они вместе задули этот маленький огонек.

– С днем рождения, Вэнь Циньин. Желаю тебе найти смысл в своей жизни, – чистый голос Тао Лина прозвучал в темноте.

Через две секунды в комнате снова зажегся свет.

– Пора есть! Давай поедим, – Тао Лин выглядел немного взволнованным.

Улыбнувшись, Вэнь Циньин открыл для него банку пива.

Ели они молча и не успели опомниться, как опустошили по две банки пива и открыли бутылку вина. У Тао Лина уже слегка кружилась голова, и он начал говорить в одиночку:

- Вэнь Циньин, ты же так молод. Тебе всего 24 года. Что я делал, когда был в твоём возрасте? Дай-ка подумать... Ах, да, учился на третьем курсе аспирантуры.

Он взял свой бокал и чокнулся с Вэнь Циньином. Тот выглядел так, будто не выпил и глоточка спиртного. Когда он смотрел Тао Лину в глаза, выражение лица у него было таким же спокойным, как и всегда.

- Быть двадцатичетырёхлетним так приятно, - улыбнулся Тао Лин. - В те времена этот придурок - Тао Цзюнь - был ещё жив. Забавно, не так ли. Было время, когда я писал диссертацию и сломался. Если бы тогда Тао Цзюнь попытался тогда вытащить меня из дома, я бы его поколотил. Однажды я сказал ему, что хочу умереть, но, по правде, это все было не всерьёз. Кто не хотел умереть, пока писал докторскую? Но потом, он, бл*ть, затащил меня на крышу здания своей компании - 22 этаж - и велел мне прыгать...

- Он сказал, что в тот момент, когда я спрыгну с крыши, я сотрусь из его памяти и навсегда исчезну.

- Он слишком бессердечен, правда? - Тао Лин небрежно наполнил свой стакан до краёв и прошептал. - Открою тебе секрет: его день рождения будет через два дня, но мертвые не могут праздновать дни рождения. Это слишком несправедливо - вместо того, чтобы позволить мне умереть, он умер первым.

Слова закончились. Тао Лин на мгновение замолчал. Он вздохнул, а затем снова улыбнулся и сказал:

- Извини, у тебя сегодня день рождения. Не могу поверить, что выложил тебе все это. Хорошо, что ты не слышишь... Извини, я совсем не это имел в виду... Я так давно не ел с кем-нибудь дома. Это кажется мне таким нереальным.

Вино в бокале снова закончилось. Тао Лин хотел налить ещё, но как только его пальцы обхватили горлышко бутылки, Вэнь Циньин поднял руку, положил целиком свою ладонь на кисть Тао Лина и остановил его движение.

Сердце Тао Лина на секунду остановилось. Он поднял взгляд на свою руку, а затем другой рукой начал отгибать пальцы Вэнь Циньина один за другим.

Процесс шел очень медленно. Кисть Тао Лина сжимала ладонь Вэнь Циньина. Ни один из них не хотел сдаваться и первым сдвинуться с места. В конце концов Вэнь Циньин как будто понял что-то, слегка ослабил хватку и так позволил Тао Лину легко убрать свою руку и опустить ее на стол. Долгое время после этого никто из них не двигался.

Однако кисти их рук по-прежнему лежали друг на друге. Так, как будто они держались за руки.

Спустя долгое время Тао Лин наконец пришел в себя. Он спокойно отодвинулся назад, понимая, что напился. Собрав остатки трезвости, он вытащил свой телефон и набрал: «Слишком поздно».

Слишком поздно... А что потом?

Тао Лин нахмурился, его пальцы застыли на верхней части экрана. Он не мог вспомнить, что же хотел сказать.

Вэнь Цинъин некоторое время наблюдал за ним, а затем поднял бутылку с вином – не потому, что хотел помешать Тао Лину еще больше напиться, – и наполнил оба бокала.

Тао Лин поднял большой палец, поднялся со стула и отправился к стоявшему рядом шкафу еще за двумя бутылками. Он с глухим стуком поставил бутылки на стол и воскликнул:

- Не могу вернуться домой, не напившись!

И они продолжили пить до полуночи. Тао Лин уже был пьян. Он слегка прислонился верхней частью тела к столу, потом вдруг подумал кое-о-чем, неуверенно встал и потянул за собой Вэнь Цинъина. У Вэнь Цинъина же, в конце концов проявились некоторые признаки опьянения, хотя выглядел он намного трезвее, чем Тао Лин. Вэнь Цинъин встал и пошел за Тао Лином без каких-либо возражений.

Держась за руки, оба прошли в кабинет. В этот момент ни один из них не чувствовал, что происходит что-то неправильное. Их руки крепко держали друг друга, как будто они боялись их разъединить. Тао Лин шел впереди, говоря:

- Давай я покажу тебе китайские розы. Те, что ты мне подарил, все еще живы.

Когда они вошли в кабинет, Тао Лин наконец-то отпустил руку Вэнь Цинъина.

Он включил свет, вышел на балкон и открыл окно. Все это время Вэнь Цинъин следовал за ним. Увидев, что сделал Тао Лин, он испуганно схватил за его запястье. Тао Лин попытался вырваться, не смог и расхохотался до такой степени, что чуть не задохнулся. Он оглянулся на Вэнь Цинъина и ткнул пальцем в сторону балкона, показывая, что тому надо выглянуть наружу.

Небольшой горшок с миниатюрными китайскими розами стоял у края балкона. Зима почти уже наступила, но цветы были такими же сильными и живыми, как и раньше.

- Невероятно, правда? - удовлетворенно сказал Тао Лин.

Вэнь Цинъин улыбнулся - понял, что тот сказал - и смущенно отпустил запястье Тао Лина.

Тао Лин сделал два шага вперед и встал у окна, чтобы полюбоваться на ночной пейзаж. Когда он снова оглянулся, Вэнь Цинъин, слегка наклонившись, смотрел на деревянную подставку в углу балкона.

На этой подставке стояла стеклянная банка, а в ней лежала кучка осколков цветочной вазы.

Тао Лин хотел к нему подойти, но в тот момент, когда поднял ногу, чтобы сделать шаг, случайно споткнулся об угол ковра. Пошатнувшись на долю секунды, он потерял равновесие. Вэнь Цинъин шагнул вперед и уверенно его подхватил, отчего Тао Лин рухнул в его объятия.

Через две секунды Тао Лин коснулся щекой плеча Вэнь Цинъина. Единственное, что он чувствовал, - это то, что тело Вэнь Цинъина было очень теплым, что мешало мыслям. Тао Лин знал, что ему нужно разорвать объятия, но не мог этого сделать.

После молчания длиной с минуту, он придвинулся ближе, словно искал что-то, а еще потому, что стремился к теплу. Каждую ночь, когда ложился спать, он не чувствовал себя в безопасности, если не заворачивался полностью в одеяло, и точно так же в этот момент он хотел, чтобы его обернули плотно и крепко в тепло.

Чтобы он смог сбежать из этого мира.

Тело Вэнь Цинъина напряглось. Он закинул руки за спину Тао Лина, но из вежливости держался на небольшом расстоянии. Только тогда, когда он понял, что Тао Лин безмолвно просил его об объятиях, Вэнь Цинъин скрестил руки и смело его обнял.

- Ты на это смотришь, - Тао Лин улыбнулся, оглянувшись через плечо на стеклянную банку.

- Это... это цветочная ваза Тао Цзюня, - прерывисто произнес он. - Она разбилась. Я собрал осколки и сложил их в банку...

«Стеклянный кувшин полон осколков луны. Я подобрал их, но не могу собрать луну обратно».

- У меня банка разбитой луны, - сказал Тао Лин.

Руки Вэнь Цинъина сжались сильнее. Он обхватил спину Тао Лина так, как будто хотел целиком его спрятать. Тао Лин прижался лбом к его шее, дыхание обдавало кожу, обжигая ее.

В осенней ночи за балконом ярко светила луна. Несколько лучей морозного лунного света пытались пробиться в кабинет, хотели проникнуть туда, но их безжалостно рассеивал свет, горевший в комнате.

Или, может быть, они сливались с этим светом воедино.

- Вэнь Циньин, - пьяно пробормотал Тао Лин, - у меня больше нет луны. Мой брат умер... И с тех пор я остался без луны...

- На самом деле, мне кажется, что жить дальше бессмысленно, но мне... мне не хватает храбрости умереть. Если я умру, то его никто больше не вспомнит.

- Однажды ты меня спросил, как изучение религии связано с моей жизнью, но на самом деле я никогда не проживал свою жизнь хорошо.

- Вэнь Циньин, Вэнь Циньин, у тебя такое красивое имя, - прежде чем полностью погрузиться в пьяный сон, Тао Лин прошептал напоследок:

- С днем рождения.

Человек в объятиях Вэнь Циньина перстал двигаться. Через несколько минут Вэнь Циньин дважды похлопал Тао Лина по руке и не заметил никакой ответной реакции. Убедившись, что тот действительно заснул стоя, Вэнь Циньин невольно улыбнулся. Однако эта улыбка длилась всего лишь одну мимолетную секунду, а затем уголки его рта опустились, а губы вытянулись в тонкую линию.

Он спокойно стоял на том же самом месте, обнимая Тао Лина и чувствуя телом его тепло. Но от алкоголя у него затуманилось зрение, и это объятие показалось сном.

Под неподвижным лунным светом, среди тихих звуков мира, Вэнь Циньин посмотрел вниз и поцеловал Тао Лина в макушку.

Примечание автора.

Логическая связь с цитатой в начале этой главы - г-н Ли Фэнмао: □□□□□□□□□□□□. Он заявил, что даосская мифология в основном решает проблемы, касающиеся существования и социального порядка.